

УДК 94; 342

АЛЕКСАНДР РЕПНИКОВ

Русский консерватизм: Константин Победоносцев (к 190-летию со дня рождения)

Аннотация. Статья посвящена видному представителю русского консерватизма К.П. Победоносцеву (1827–1907), который стал символом целой эпохи – царствования Александра III. Рассматриваются основные факты жизни и общественно-политические взгляды этого государственного деятеля, его место в истории русской мысли, характеристики, которые давали ему современники и последующие исследователи.

Ключевые слова: Победоносцев, Константин Победоносцев, Александр III, русский консерватизм, русская мысль, власть.

«Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих прежде столь сильно негодовали, становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, от духа его и истории, произвольными властителями жизни народной, не только не лучше, но иногда еще и хуже прежних чиновников»

Константин Победоносцев
[Победоносцев, с. 183]

Этот человек являлся символом целой эпохи. Одни современники поносили его, изображая на карикатурах в виде страшного чудовища; другие восторгались им. Мало кто из них мог равнодушно произносить его фамилию. В советской историографии за ним прочно закрепилась характеристика «мракобес». В современной России его жизни и взглядам посвящены диссертации, монографические исследования и множество статей [Подробнее см.: Репников]. Кем же был этот человек, про которого А. Блок написал знакомые с детства строки:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только тень огромных крыл;

Сведения об авторе: РЕПНИКОВ Александр Витальевич – доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории; repnikov@mail.ru.

Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна
[Блок, с. 421–422.].

Константин Петрович родился в Москве 21 мая 1827 года. Его отец Петр Васильевич был профессором российской словесности Московского университета, а дед – приходским священником¹. Семья была глубоко религиозной, и это оказало сильное влияние на формирование охранительных взглядов будущего обер-прокурора, вспоминая, что он был «воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой».

По окончании Императорского Училища правоведения (1846) Победоносцев был определен в канцелярию 8-го департамента Сената в Москве. Одновременно он изучал источники по истории русского гражданского права, выступал с публикациями и читал лекции в Московском университете. Продолжая нести службу, он в 1860 г. становится профессором Московского университета и почти два десятка лет работает над своим «Курсом гражданского права». Правительственная газета «Россия» после смерти Победоносцева так оценила этот труд: «Этой своей книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права; он по справедливости может называться отцом и родоначальником этой науки». Видные правоведы Г.Ф. Шершеневич и А.Э. Нольде, расходившиеся в своих политических взглядах с Победоносцевым, признавали значимость его труда. На протяжении ряда лет Победоносцев преподавал законоведение членам императорской фамилии, в том числе будущим императорам Александру III и Николаю II, что способствовало его приближению к царской семье. Покинув Москву, он переехал в Петербург, где его карьера получила дальнейшее развитие: с 1868 года он сенатор, с 1872 – член Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел, с апреля 1880 по октябрь 1905 – обер-прокурор Святейшего Синода и одновременно с октября 1880 член кабинета министров.

В тридцатилетнем возрасте Победоносцев сотрудничал в «Голосах из России», издаваемых в Лондоне А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. В опубликованном там памфлете «Граф В.Н. Панин. Министр юстиции» будущий апологет консерватизма показал себя поборником гласности, инициативы и свободы судов. Его привлекали к подготовке судебной реформы 1864, и его деятельность на этом поприще получила высокую оценку Александра II. Все это свидетельствует, что на определенном этапе жизни Победоносцев искренне верил в возможность либеральных преобразований сверху и лишь затем его взгляды эволюционировали в сторону консерватизма. Еще в ходе разработки судебной реформы он выступил против «безрассудного заимствования» не свойственных России юридических норм из французского кодекса, позднее критиковал военные

¹ Современные монархисты не слишком хорошо разбираются в биографии обер-прокурора. В статье о Победоносцеве некий В. Федоров в статье о Победоносцеве пишет, что тот «сын приходского священника» [Федоров, с. 576]. На самом деле он был внуком священника и сыном профессора Московского университета. В этой же статье дается отсылка к «Московскому сборнику» Победоносцева, но в издании мы находим только «Московский сборник» нашего современника Л. И. Бородина [Там же, с. 464].

реформы, осуществленные под руководством Д.А. Милютина, и даже подверг осуждению действия императора Александра II. Пересмотрев свою точку зрения на Великие реформы 1860–70-х годов в целом, Победоносцев, однако, никогда не отказывался от положительной оценки Крестьянской реформы 1861 года. При Александре III он оказывал значительное влияние на внутреннюю политику. В 1896 г. вышел его «Московский сборник», где он изложил свои общественно-политические и религиозные взгляды.

Критикуя либерализм и нигилизм, Победоносцев подчеркивал, что представительные учреждения имеют прямую связь с историей страны: «Не всякому быту, не всякой истории, не всякому народу свойственны эти учреждения. Они могут в порядке действовать только там, где есть для того условия в быте народном и в учреждениях прежнего времени (Англия)» [Записки, с. 78]. В Великобритании демократия оправдала себя, поскольку органично вписалась в государственную систему и укоренилась на исторически подготовленной почве. Но это вовсе не означает, что британские государственные формы являются эталоном и могут быть скопированы в России. Победоносцев полагал, что наиболее успешно британская система управления (исключая королевскую власть и аристократию) прижилась в Соединенных Штатах. Парламентаризм, по его мнению, мог существовать и развиваться в странах англосаксонского ареала и таких небольших европейских государствах, как Бельгия и Голландия. Попытки перенесения парламентских форм в остальную Европу и на Балканы он находил искусственными и неудачными.

Победоносцев негативно относился к процедуре выборов, считая их игрой на чувствах и эмоциях толпы, в которой побеждает более удачливый, но не всегда более профессиональный политик, а «ослепленная» предвыборными обещаниями масса даже не помышляет о соотношении этих обещаний с реальными возможностями. «История свидетельствует, что существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокою идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей; что расширение это в больших государствах или вводилось с тайными целями сосредоточения власти, или само собою приводило к диктатуре» [Победоносцев, с. 278].

В России парламентаризм, по убеждению Победоносцева, не мог позитивно обновить общественную жизнь, а сторонники этой идеи в лучшем случае были движимы наивным утопизмом и в худшем – стремлением к личной выгоде. «Выдавливание» монарха из реального политического процесса, неизбежное в случае развития представительных институтов, олицетворяло для Победоносцева десакрализацию мировоззренческих ценностей, стоящих за монархией.

Самодержавная власть, как ее видел Победоносцев, – это, прежде всего, огромная личная ответственность монарха перед Богом. «Власть не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек... Дело власти есть дело непрерывного служения, а потому, в сущности, – дело самопожертвования» [Победоносцев,

с. 426, 427]. Любая власть (а тем более власть самодержца) – это жертва, приносимая во имя Отечества. О людях, которые, участвуя в управлении государством, не понимают сущность власти, Победоносцев писал: «Если б они понимали, что значит быть государственным человеком, они никогда не приняли бы на себя страшного звания: везде оно страшно, а особенно у нас в России. Ведь это значит – не утешаться своим величием, не веселиться удобством, а приносить себя в жертву тому делу, которому служишь, отдать себя работе, которая сжигает человека, отдавать каждый час свой и с утра до ночи быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только» [Письма Победоносцева..., с. 207.].

Власть самодержца «не есть привилегия, не есть простое сосредоточение человеческой власти, а есть тяжкий подвиг, великое служение, верх человеческого самоотвержения, крест, а не наслаждение». Следовательно, эта власть не может ограничиваться, «ибо всякое ограничение власти царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и перед Богом. Окружаемый ограничениями, он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе» [Тихомиров, с. 532, 531].

Ограничителем деспотизма власти, по Победоносцеву, должно быть не народное представительство, а религиозно-нравственные нормы. Стремясь подготовить наследника к «служению», Победоносцев писал Александру Александровичу (будущему Александру III): «Вся тайна русского порядка и преуспевание – наверху, в лице верховной власти... Где вы себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью – вот что значит тот союз с землею, в котором вы родились, и та власть, которая вам суждена от Бога» [Письма Победоносцева..., с. 53–54]. Схожие рассуждения содержатся в обращении к великому князю Сергею Александровичу в день его совершеннолетия: «Где всякий из граждан, частных людей, не стесняет себя, как частный человек, там Вы обязаны себя ограничивать, потому что миллионы смотрят на Вас как на Великого Князя, и со всяким словом и делом Вашим связаны честь, достоинство и нравственная сила Императорского Дома» [Победоносцев, с. 121].

В быту Победоносцев был скромным, неприязнительным человеком. В отведенном ему казенном доме на Литейном проспекте он занимал десять комнат из сорока, остальные пустовали. Его смущал блеск дворцовых приемов, и он даже предлагал Тютчевой начать движение против роскоши в одежде светских дам. Негативное отношение к «свету» сочеталось в его мировоззрении критикой интеллигенции. Петербург он сравнивал с большим рынком, где бессмысленно суетится толпа людей, «умеющих только кричать и пустословить». Откровенное неприятие интеллигенции встречается в письме Победоносцева С.А. Рачинскому: «Самые злодеи... суть не что иное, как крайнее искажение того же обезьянского образа, который приняла в последние годы вся наша интеллигенция» [Победоносцев К. П. в письмах..., с. 277]. В качестве положительного образца Победоносцев противопоставлял «свету» и образованной интеллигенции «простой» и «темный» народ, видя в нем опору существующего миропорядка, хранилище «запаса духовной силы и глубокой веры».

Православную церковь Победоносцев считал единственной истинной христианской церковью и всемерно ратовал за усиление ее роли, за организацию масштабных церковных торжеств, строительство храмов в «русском стиле», способствовал ужесточению репрессий против старообрядцев, баптистов (штундистов), униатов. Особым покровительством обер-прокурора пользовались церковно-приходские школы, которые, по его мнению, служили «единственным надежным средством к воспитанию нового поколения» в «смутное время, когда со всех сторон испорченные и безумные люди стараются поселить в народе разврат мысли ...». В этом же ключе – его деятельность по организации массового выпуска религиозной литературы и ужесточению цензуры. И.С. Аксаков предостерегал Победоносцева, сетуя на его негативное отношение к печати: «Страшный вред производит она, но и большое добро, – и добро это обусловливается допущением той свободы, которая дает место и вреду... Исторгая плевелы, не следует исторгать и пшеницу, и лучше не исторгать плевел, чем исторгнуть хоть один колос пшеницы. Так и во всем. Твоя душа слишком болезненно-чувствительна ко всему ложному, нечистому, и потому ты стал отрицательно относиться ко всему живому, усматривая в нем примесь нечистоты и фальши. Но без этого ничто живое в мире и не живет, и нужно верить в силу добра, которая преизбудет лишь в свободе» [К.П. Победоносцев..., с. 284].

Победоносцев внимательно относился к расстановке на ключевых постах людей из своей «команды». В кризисные дни марта 1881 он добился отклонения проекта так называемой конституции графа М.Т. Лорис-Меликова, что повлекло за собой отставку последнего с поста министра внутренних дел, а также уход со своих постов военного министра Милютина и министра финансов А.А. Абазы. Победоносцев содействовал назначению министром внутренних дел графа Н.П. Игнатьева, последующей его замене графом Д.А. Толстым и другим кадровым перестановкам. В период царствования Александра III Победоносцев взвалил на себя непосильное бремя власти. Как верно отметил В.В. Розанов, «Он соображал, что “делать”, это – значило именно самому делать». Письма обер-прокурора, обращенные к самодержцу, и доверительные письма к друзьям полны сетований на усталость, безысходность, тягостность его бытия.

Победоносцев стремился все регламентировать, за всем уследить, все «пропустить» через себя, но его действия оказывались малоэффективными. Осознавая это сам, он пессимистично отмечал, что «никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу». Великий князь Александр Михайлович зафиксировал, как Победоносцев сказал Николаю II: «Я признаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны – и все рухнет». В 1903 году, встретившись с Д.С. Мережковским по поводу закрытия Религиозно-философских собраний, Победоносцев произнес: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [Гиппиус, с. 230–231]. В.В. Розанов передает высказывание обер-прокурора несколько иначе: «Россия, это – бесконечный мир разнообразий, мир бесприютный и терпеливый, совершенно темный: а в темноте этой блуждают волки... дикое темное поле и среди него гуляет лихой человек... – А коли так, – кончил он, – то ничего в Рос-

сии так не нужно, как власть; власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и голодьбе пустынной». В декабре 1904, наблюдая предреволюционные события, Победоносцев предрекал в письме к С.Д. Войту: «Пишите об уличных беспорядках. Еще будет! Увидите...».

После подписания Николаем II манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» Победоносцев ушел в отставку с тяжелым сердцем («Плачу об учреждениях и людях, коих оставляю»). Он чувствовал себя человеком, к которому относятся «как к зачумленному». В письме от 1 декабря 1905 г. он писал Шереметеву: «Власти нет никакой!» [«Мать мою...», с. 12]. Забастовки, созыв и роспуск 1-ой Государственной думы только усиливали мрачные прогнозы. В 1901 г. Победоносцев еще ободрял Никольского: «Дай Бог, если не при мне, то после меня, лучшего времени и лучшего настроения умов». Письма к Шереметеву представляют разительный контраст с этими надеждами. За четыре месяца до смерти, 3 ноября 1906 г., словно подводя итоги своей жизни, Победоносцев писал: «Тяжко сидеть на развалинах прошедшего и присутствовать при ломке всего того, что не успели еще повалить...» [Там же, с. 27].

10 марта 1907 г. на восьмидесятом году жизни Победоносцев скончался. Он был похоронен у северной стороны алтаря Введенской церкви при Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе. В.О. Ключевский зафиксировал в дневнике: «К.П. Победоносцев. Презирал все, и что любил, и что ненавидел, и добро, и зло, и народ, и самого себя» [Ключевский, с. 391]. В. Ф. Джунковский откликнулся иначе: «... умер ... честнейший государственный деятель светлой памяти царствования Александра III. С его воззрениями, не соответствовавшими переживаемой эпохе, можно было не соглашаться, но относиться к нему иначе как с уважением нельзя было» [Джунковский, с. 209].

По словам С.Ю. Витте, сам Александр III отзывался о Победоносцеве: «...отличный критик, но сам никогда ничего создать не может» [Витте, с. 246]. Михаил Меньшиков дал сходную характеристику Победоносцеву: «Все хорошее, положительное оставалось у него безжизненным. Раз вылилось на бумагу, он бросал вопрос, считал поконченным. Между тем отрицательные – я хотел бы сказать: разрушительные – его идеи заставляли его действовать... В качестве критика-разрушителя он беспощаден» [Меньшиков, с. 313]. Генерал Н.А. Епанчин заметил по поводу «Московского сборника»: «Все положительное, что там изложено, бледнее отрицательного; положительное изложено в виде принимаемых на веру аксиом и является наглядным доказательством большей силы автора в анализе и в отрицании, нежели в синтезе и творческой работе» [Епанчин, с. 161]. А вот что писал французский посол Морис Палеолог: «Выдающийся юрист, ученый богослов, фанатичный поборник православия и самодержавия, Победоносцев вносил в защиту своих реакционных взглядов пламенную веру, экзальтированный патриотизм, глубокую и непреложную убежденность, широкое образование, редкую силу диалектики... простоту и великое обаяние манер и речи» [Палеолог, с. 180]. По оценке историка Б.Б. Глинского, обер-прокурор «явил собою в высшей степени своеобразный тип русского ученого государственного мужа, необычайно сильного своим анализом и скепсисом и слабого как творца жизни и форм этой жизни» [Победоносцев К.П..., с. 389].

Боязнь обсуждения проблем и путей их решений в сочетании со скептическим умом приводила к тому, что созидательные теории выглядели в работах К.Победоносцева блеклыми и невзрачными на фоне ниспровергаемых им нигилистических и разрушительных концепций. Вместе с тем мы никак не можем согласиться со ставшими модными сравнениями знаменитого обер-прокурора с М. А. Суловым. И уж совсем смешны аналогии между Победоносцевым и современными политтехнологами, проповедующими «консервативную стабилизацию» (а «Комсомольская правда» вообще сравнила Победоносцева с Ясиным). Все это говорит о том, что о реальном Победоносцеве у нас все еще очень мало знают, довольствуясь старыми мифами и стереотипами. При всех своих реальных и мнимых недостатках, Константин Петрович был образованным человеком, неординарным ученым и, что самое главное, действительно любил Россию.

Литература:

- Блок А.А. Избранное. Стихотворения и поэмы. М. 1973.
- Витте С.Ю. Избранные воспоминания (1849–1911). М. 1991.
- Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси. 1991. Т. 2.
- Джунковский В.Ф. Воспоминания. М. 1997. Т. 1.
- Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М. 1996.
- Записки по законоведению К.П. Победоносцева // Известия вузов. Правоведение. 1997. № 1.
- К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. Минск. 2003. Т. 1.
- Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М. 1993.
- «Мать мою, родимую Россию, уродуют». Письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметеву // Источник. 1996. № 6.
- Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. М. 1998.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М. 1991.
- Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1925.
- Победоносцев К. П. в письмах к друзьям / Публ. и прим. О. Майоровой // Вопросы литературы. 1989. № 4.
- Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст., прим. А. И. Пешкова. СПб. 1996.
- Победоносцев К.П.: pro et contra. СПб. 1995.
- Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М. 1999.
- Тихомиров Л. А. Критика демократии. М. 1997.
- Федоров В. Победоносцев К. П. // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа / под ред. О. А. Платонова. М. 2004.